

Я НЕ ВИДЕЛ Варшаву с августа 1914 года. В апреле этого года я пробыл в ней сутки, направляясь в Турцию через Польшу, Румынию, Болгарию. В моем представлении сохранился чиновничий царский город. Сейчас он стал передо мной обновленным. Однако рядом с Варшавой я видел другие города, представляющие полный контраст блестящей столице Польской республики. И в самой Варшаве рядом с великолепной Маршальковской улицей, со старинными Лазенками — искривленные улочки на окраинах, населенные беднотой и фабрично-заводским людом.

Тогда нарядно расодетых женщин в центре города, офицеров в шинелях, буржуа в котелках и цыганских беретах. На окраинах Мокотова и Црэн — утробные, наглодвинувшаяся лица безработных. Специфическая военно-бухарская муштра польских военных, с особым пиетом бравоющих изображения, выполняла мне военные традиции царской Варшавы. В этом отношении столица независимой Польши явно похожа на царскую чиновничью столицу Привисландского края.

Весною я сел в экспресс, отправляющийся на Бухарест.

Через сутки перед моими глазами уже мелькал зеленый Вухарест. Оттуда я направился в Софию.

В Софии я пробыл только несколько часов. Город поражает своей бедностью и неблагодостоустроенностью. Много немощеных улиц, очень много маленьких домишек, дачужек. Наконец, я снова в поезде. — Вот через Марицу, и экспресс унесет меня на восточную Стамбулу, к берегам голубого Восточра.

Под морный шум рессор я перебрал в память все, что читал о бывшей столице султанов Оттоманской империи. Мне припоминаются отдельные сцены из «Человека, который убил Фараера, очерки Вагнера, очерки агента «Интеллигентное Сорвис» поллитно придворного постоевода. Сколько в них надуманной, рахатлужной слащавости! Люди насколько не интересовались подлинной действительностью и в каком-то «опьянении кальяном» описывали мечети, минареты, романтику гаремов, схем парижских альяментов, перенесенные на экзотическую почву турецкого города. Вот книга очерков Кнута Гамсуна «В стране полумесца». Как же он описывал улицы, площади, порт этого мирового города? Огромное впечатление на этого

тревогого романиста и неутомимого путешественника произвели эти конюшники с антинольских собак, постоянно рыскавших по всем углам города. В порту его рядовал вид разношерстной разношерстной толпы, он лирически описывал фески, тюрбаны. И за тем попал в знаменитый квартал с гаремами. Сравнивал константинопольский пейзаж с московским, Гем суи отдал предпочтение последнему и только в одном он «свобод» должно даншфату древне-восточной

столицы — игре цветов белых минаретов на фоне синего небесного купола. В Эяюбе, над гробницей Махмута II, в которой по преданию похоронена сабля Османа, Гамсуи спрашивал себя — куда делись все эти экзотические аксессуары? Я тивтно искал хотя бы одну феску на головах встреченных стамбульцев. Этот символ рабской покорности ликвидировал, как позорное клеймо мрачного прошлого, так же как и полчища бездомных собак, как и грязь в лабиринте старых улиц. Нет и следа романтических парад, скрывавших, по описанию авторов экзотических романов, прекрасные лица турчанок. Это уже больше не жителямиды княжеских гаремов, не покорные рабыни. Студентки, журналистки, учительницы, прачки — они ошарят утром на работу или ведут за руку детей в скверы, на набережные, бульвары. Они ничем не отличаются от женщин, паволокляющих улицы Бухареста, Варшавы, хотя и превосходят своей какой-то подкупающей остротностью, деловитостью правдою шатающихся толпу Уладовских аллей и Маршалковской.

На вокзале в Стамбуле меня встретили представители нашего генконсульства, многочисленные депутаты музыкальной общности. Трудно передать ту атмосферу исключительного радушия и восторга, которая окружила меня с первой минуты пребывания на турецкой земле. Незнакомые люди на улице подходили ко

Нар. арт. Штайнберг и композитор Хиндемит среди профессоров Анкары высшей музыкальной школы

мне, жалея руки, приветствовали меня, видя в моем лице представителя великого и дружественного народа.

В Анкаре я попал в обстановку еще более радужную, чем в Стамбуле. И в то же время в исключительной производственности. С раннего утра — репетиции, днем — приемы, вечером — концерты. После концертов — банкеты. В Анкаре мы дали шесть концертов, в Халкери — два для дипломатического корпуса, два для комсостава армии и два для публики. Несмотря на то, что о наших концертах не извещалось ни в газетах, ни в специализированных изданиях, помещению Халкери переполнялось до потолка. Исключительное внимание уделяла нам турецкая печать. Члены правительства и муниципалитет устраивали в нашу честь торжественные приемы.

Я оказалась первым иностранным дирижером, управлявшим единственными в Турции симфоническим оркестром, состоящим при президенте республики. Анкарский симфонический ансамбль, так же как и ученический оркестр Высшей музыкальной школы в Стамбуле, не являются еще окончательно овладевшими мастерством музыкальных коллективов. Но и сейчас же они насчитывают в своем составе ряд выдающихся высококвалифицированных исполнителей. Некоторые формы симфонического исполнения, как, например, аккомпанемент певцам арий из опер, аккомпанемент инструменталистам, балету и

т. д., даже не были известны этим оркестрам. По после того, как мы провели с ними репетиционную работу, они уже за короткое время достигли блестящих результатов, что обещало полный успех наших концертов. Надо сказать, что учебное дело как в анкарыской, так и в стамбульской Высшей музыкальной школе поставлено на европейский лад.

Советские композиторы пользуются в современной Турции исключительной популярностью. Имена Шостаковича, Масковского, а теперь, после исполненной нами «Туркменской сюиты» В. Шехтера, — известны самым широким кругам турецкой музыкальной общности. Ряд исполнявшихся нашими артистами песен — «Соловей! Алябьева (исполняла Нарсова), «Вд, ухнем!» (исполнял Пирогов) и другие — очень быстро были

Все наши выступления в Турции проходили с огромным успехом. Почти ежедневно устраиваются наши концерты или приемы в честь советских артистов, на которых присутствуют крупнейшие руководители Турецкой республики и представители советского полпредства.

На-днях после одного из концертов мы были приглашены на благотворительный был. Поздно ночью приехал президент Турецкой республики г. Атаюрк. Г-н Атаюрк в беседе с нами подчеркнул, что никогда не забудет того впечатления, которое мы произвели на него нашим пением. Я ответила, что бесконечно рада с честью выполнить задание своего правительства. На это г. Атаюрк заметил, что было бы еще лучше, если бы меня оставили в Турции. Весь разговор велся исключительно в дружественной обстановке, в шуточных тонах.

21 апреля состоялся дневной концерт, в котором выступали Ойстрах, Оберин, Шостакович и я. Все имело огромный успех. По общим отзы-

подхвачены и еще в дни моего пребывания в Турции стали любимыми, всеми распеваемыми песнями.

В Анкаре я несколько раз беседовала с президентом республики Кемалем Атаюрком. Он чрезвычайно высоко оценил мастерство наших артистов. Например, по поводу исполнения песен Барсовой («Соловей») президент сказал:

— Ее голос звучит так, как может звучать только чудесный инструмент.

Исполнение Пироговым «Вд, ухнем!» вызвало восхищение г. Атаюрка.

Я получил приглашение как от президента Кемала Атаюрка, так и от руководителей обеих музыкальных школ остаться у них преподавателем.

Во время моего пребывания в Анкаре туда приехал композитор Хиндемит. Его встреча с советскими артистами была самым дружественным характер. Выброшенный фашистскими хозяевами за пределы своей родины, он жаждет приехать в СССР.

В ответ на наш визит в конце лета в СССР приедет группа турецких артистов и музыкантов для ознакомления с нашими театрами и постановкой музыкального дела в СССР.

Нар. арт. республики
Л. П. ШТЕЙНБЕРГ

нам, пела и очень хорошо. Здесь прекрасное здание и очень хороший репертуар. К тому же, была весьма благоприятная публика — молодежь. Пела я «Синтеянку», романс Шуберта, «Песнь Дюля», арию Далилы.

Вообще поем мы каждый день, и я прямо удивляюсь, откуда у нас берется голос.

На-днях опять были на приеме. Теперь уже у министра внутренних дел Вернуляк в 7 часов утра. Раньше было невозможно, так как г. Атаюрк без конца просил нас петь. В своих речах он подчеркивал, что дружба между Советским союзом и Турцией никогда не исчезнет и что нам не страшен никакой враг.

Мы были на нескольких экскурсиях, осматривали различные достопримечательности этой интересной, растущей страны. Принимают нас всегда великолепно, но очень хочется домой, к себе в СССР, в Москву. Пробудем мы здесь до 16 мая и числа 20—21 мая вернемся в Москву.

Залп. артистка республики
М. МАКСАНОВА